

Из дневника первой поездки в Щёлыково, 1848 г.

25 апреля. Переяславль. Воскресенье. 3 часа.

В субботу мы выехали из Братовщины в 4-м часу. Холод страшный, всю дорогу дремали. Часов в 9 приехали к Троице. Ходили в монастырь. Нищие. От Троицы выехали в 2 часа. Тут мы тянули горя. Часов 7 ехали 26 вёрст. Ещё, к счастью нашему, не было ни мокро, ни сухо; единственный момент, в который можно ездить по глинистой дороге. Да ещё холод смертельный. Наконец приехали часу в 9-м в Дубны — деревню, в которой только один постоялый двор. Это значит в простой русской избе, где-то между небом и чердаком, есть так называемая чистая комната. Эта комната только называется чистой, а в самом-то деле грязна, преисполнена насекомыми и с развалившеюся кирпичной печкой. В этой комнате поместились папенька с маменькой¹ и дети. А я с Николаем Николаевичем отправился в общую комнату, где сначала пили чай, а потом ужинали и, наконец, улеглись спать ямщики и весь мужской пол этой станции. За ужином беседа ямщиков мне очень понравилась. Один из наших ямщиков, премилый малый, такая умная и весёлая голова, да и все трое молодцы. Тут мы и ночевали в жаре, в духоте и между клопами, которые без преувеличения наподобие виноградных кистей (висели) лепились по стенам. Впрочем, я, измучившись, уснул как убитый и не слышал нашествия гадов, а Николая Николаевича они тревожили всю ночь. Нынче встали в 4-м часу и отправились. Осталось ещё до Переяславля 37 вёрст, которые и надобно было проехать в одну станцию по комкам глины. Наконец, с горем пополам, но без особенных неприятностей, мы приехали в Переяславль в 12 часов. За 2 версты до Переяславля с горы открывается очаровательнейший вид на город, на озеро, которое от ветру было похоже на огромное синее вспаханное поле, и на монастыри, которых в городе 4. Город сначала, как въедешь, некрасив очень, особенно неприятно ехать по длинной улице, обставленной, на расстоянии версты, дрянными домишками. Но скоро город принимает очень милый вид, особенно за Трубежом, где мы и остановились в прекрасной гостинице. Хозяин с хозяйкой — типы русской солидной красоты, которая меряется саженью и особенным каким-то широким вкусом; дочери красавицы в русском тоже вкусе, красавицы без всякого упрёка, то есть со стороны красоты, о прочем не знаю. Гостиница эта за мостом у церкви, на правой руке; на воротах написано: «Галантерейная лавка». Комнаты превосходные, учтивость русская, обворожительная, с улыбочкой; без заграничного лоску, а так в душу лезет, да и на поди. Из гостиницы ходили с Николаем Николаевичем в рыбацью слободу за лещами и сельдями. У рыбаков своя отдельная слобода, в которой 3 церкви. Что за типы, что за красавицы женщины и девочки. Вот где я об землю бился и разрывался пополам. Да к нашему счастью, был праздник и всё было нарядно; девочки качаются на качелях или гуляют по улицам табунами, и, сверх того, разгулялась погода, и солнце позолотило озеро. А до того во всю дорогу было на небе серо, а на земле так пронзительно холодно, что мы с Николаем Николаевичем отогревались только бегом да водкой. До Переяславля женщины уроды — в Переяславле из 3 непременно одна хорошенькая. Вот бы пожить-то недельку. Господи, господи, взывал я, и прочее...

*Островский, А. Н. Вся жизнь театру / А. Н. Островский. — М.: Советская Россия, 1989. — С. 32—33.

¹Н. Ф. Островский с мачехой Э. А. Островской. — Ред.

25-го <апреля>. 11 часов. Дертники.

Из Переяславля выехали в 5-м часу. За городом вид с горы на озеро и город до того поразителен, что запечатлевается в памяти по крайней мере на 1000 лет. Вся эта дорога до станции так разнообразна, что в продолжение 30 вёрст никак не соскучишься, особенно загрузившись переяславскими впечатлениями. Дорогой говорили с Николаем о переяславском угоднике Никите-столпнике, который две недели валялся в болоте, спасения ради, и прочих блаженных. Николай говорит: «То-то, чай, поломались на своём веку. А всё это, Александр Николаевич, оттого, что был верх необразованности». В Дертники приехали в 10-м часу и остановились на хорошеньком постоялом дворе; комнаты в русском штиле, только чистенькие и с цветами на окошках. Хозяин молодец. Да и нельзя иначе. С Переяславля начинается Меря — земля, обильная горами и водами, и народ и рослый, и красивый, и умный, и откровенный, и обязательный, и вольный ум, и душа нараспашку. Это земляки мои возлюбленные, с которыми я, кажется, сойдуся хорошо. Здесь уж не увидишь маленького согнутого мужика или бабу в костюме совы, которая поминутно кланяется и приговаривает: «а батюшка, а батюшка»... Что ни мужчина, особенно из содержателей постоянных дворов, то «Галиап», как говорит Николай Николаевич.¹

¹То есть Голиаф. — *Ред.*